

Ю. С. Кирьяков

УРАЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ СОБЫТИЯХ КОНЦА ВОСЬМИДЕСЯТЫХ

Уральский госуниверситет второй половины 1980-х гг. оказался в центре бурных политических событий эпохи перестройки, буквально взорвавших политическую жизнь всей страны, в том числе и нашего города. Университет традиционно отличался, говоря языком того времени, «высокой политической активностью»: студенты и преподаватели УрГУ в составе студенческих стройотрядов одними из первых осваивали казахстанскую целину, а в 60—70-е гг. стали лидерами этого движения в области. Здесь создавались первые «женские» строительные и педагогические отряды. Факельные шествия студентов УрГУ в дни праздничных демонстраций в конце 60-х придали этой обязательной и зачастую изнурительной процедуре не просто интригующую привлекательность, но и ярко выраженное патриотическое звучание.

Университет с его мощными научными школами (математической, философской, византистики) занимал ведущее положение в фундаментальной науке не только региона, но и страны. «Боевым активом партии» были университетские преподаватели-обществоведы: философы и историки работали в университете марксизма-ленинизма, многие из них в качестве лекторов обкомов КПСС и ВЛКСМ курсировали по городам области и всего Урала.

Идеологические чистки конца 60-х — начала 70-х гг. и рекрутирование в состав партийной номенклатуры поколения «технократов» сделали утилитарно востребованными целое поколение пропагандистов-обществоведов. Именно из их рядов вышли в период перестройки наиболее радикальные сторонники демократических перемен.

Сам Уральский университет в середине 1980-х гг. переживал серьезные изменения: бурно развивались кафедры, возникали новые специальности, создавались нетрадиционные научно-производственные объединения, складывались университетско-академические центры. Благодаря демократизму и уникальной открытости ректора университета, Паригория Евстафьевича Суетина, УрГУ оказался не только на острие научно-учебных инноваций, но и стал своеобразным «детонатором» демократических процессов в Свердловске.

Симптоматические изменения происходили и в жизни исторического факультета (деканом которого в 1985—1990 гг. выпала честь быть автору этих строк): в преподавательский состав влилась группа научных сотрудников только что учрежденного Института истории и археологии Уральского филиала АН СССР, а его директор, профессор В. В. Алексеев, стал заведующим кафедрой истории СССР (советского периода). Вернулся на факультет в качестве заведующего кафедрой истории СССР («досоветского периода», был в то время и такой эвфемизм) и только что защитивший докторскую диссертацию Р. Г. Пихоя. Студенты, специализирующиеся по самой престижной в то время

специальности «История КПСС», в конце 80-х получили право иметь в дипломе об окончании университета специальность не только историка, но и политолога, что автоматически причисляло их к «бойцам идеологического фронта».

В это время резко расширилась сфера деятельности археологов — сотрудников лаборатории археологии по исследованию и паспортизации памятников археологии на территории Западной Сибири. Археографическая лаборатория под руководством Р. Г. Пихои стала своеобразным центром изучения не только письменных памятников, но и «демократической культуры» населения Урала и Западной Сибири в «досоветский период». Наконец, кафедра архивоведения под руководством А. В. Черноухова активно осваивала новую для себя сферу деятельности — паспортизацию памятников истории и создание первых книг по истории «малых городов» и заводов Урала. Тем самым большая группа преподавателей и сотрудников факультета, а вслед за ними и студенты вполне естественно скоро превратились в активистов доселе находившегося в тени Всероссийского общества охраны памятников искусства и культуры (ВООПИК), которое в середине 80-х оказалось не только в центре борьбы вокруг проблемы возрождения исторической памяти, но и втянутыми в противостояние с партийно-советской номенклатурой, которая в своей градостроительной политике спокойно «жертвовала» памятниками истории и архитектуры во имя ей одной известной «производственной необходимости».

Бурлящий поток «перестройки» внес изменения и в работу партийной организации университета: партком и партийные бюро факультетов постепенно расширяли сферу своей традиционной деятельности. Наряду с кадровыми вопросами, а также рассмотрением персональных дел преподавателей и студентов в сферу их деятельности теперь вошли вопросы создания научно-производственных объединений с участием предприятий ВПК, университетско-академических центров, а партсобрания УрГУ все больше стали напоминать собрания в дискуссионных клубах. Фактически главным направлением работы партбюро, к примеру истфака, становится в это время организация работы теоретического семинара, которым тогда руководил А. Г. Чевтаев. Именно на этой площадке бурно обсуждались «белые пятна» в истории, преподаватели разных кафедр впервые «открывали» для себя «истинное скрытое лицо» своих коллег, их инновации в сфере преподавания. В коллективе налаживался непростой «диалог культур», разрушалась нерушимая, казалось бы, монополия марксистской методологии истории, проникали первые ростки «цивилизационного подхода», обнаруживалось, что наследие профессора М. Я. Сюзюмова, его теория «континуитета», и еретическая теория «новой истории» В. В. Адамова имеют отнюдь не узкое — «византийское» или «уральское» — прочтение.

Было бы преувеличение сказать, что УрГУ «волей его руководителей» в середине 80-х превратился в центр вольнодумства и штаб «революционной перестройки», хотя здесь при активном участии И. Ц. Цалковского, профессора СЮИ В. Б. Исакова и будущего председателя общества А. Пастуховой организовалось областное отделение общества «Мемориал». Тут же начинался и первый диалог с «неудобными» оппонентами, а затем и партнерами по митингам, местными активистами Демсоюза. Истфак же стал своеобразной

опорой демократов и в силу того, что в руководстве университета в то время было много выходцев с истфака: проректоры УрГУ М. Я. Логунов, Т. Ф. Кардаполова, а затем Р. Г. Пихоя, первый секретарь парткома УрГУ Г. А. Дробышев и его заместитель И. Ц. Цалковский. Именно их усилиями в ответ на просьбы горкома и обкома КПСС, в котором в середине 80-х активную роль уже играли выходцы из УрГУ, студенты и преподаватели университета активно привлекались к участию в городских мероприятиях, в том числе на баррикадах перестройки в качестве политактива и участников, казалось бы, лояльной «массовки».

В середине 1980-х гг. понятие «Уральский университет» приобрело не столько традиционно институциональный, сколько ментально-корпоративный характер. Инициативы, рождавшиеся в университете или в силу обстоятельств делавшие альма-матер центром событий, втягивали в данный процесс «птенцов гнезда ургушного». На них откликались выпускники УрГУ — преподаватели обществоведческих кафедр других вузов, техническая интеллигенция с соседних, в том числе и оборонных, предприятий, а также, что принципиально, выпускники университета, рекрутированные в состав партийно-советской номенклатуры.

Своеобразие ситуации заключалось в том, что именно в Свердловске кадровое обновление партийного аппарата в середине 80-х гг., декларированное М. С. Горбачевым, привело к приходу в его состав (в обком, горком и райкомы КПСС) новой генерации относительно молодых выпускников гуманитарных факультетов, преподавателей-обществоведов, которые сменяли традиционных технократов-хозяйственников на партийной работе. В обкоме КПСС в этот период работали выпускники УрГУ Г. П. Яшин (историк), В. Ф. Юрин (журналист), В. П. Ушаков (философ), Г. А. Наумова (филолог). Идеологический и другие отделы Свердловского горкома КПСС также активно пополнялись выпускниками университета: Н. А. Воронин, С. Н. Стародубцев, С. В. Корнилова (философы), С. А. Дробышева (филолог), В. В. Сартаков (историк). Это же было характерно и для райкомов партии Свердловска и области. И хотя не они в тот период принимали окончательные решения, но именно эта «новая волна» оказалась способна к прямому диалогу с «массами», они свободно шли в любую аудиторию, именно их усилиями выживали первые «костры гласности», а партийные бонзы мучительно привыкали «слушать улицу». К сожалению, этой «новой волны» не увидел (или испугался?) и не смог на нее опереться М. С. Горбачев, который в 1988 г. признал невозможность радикального обновления партаппарата и впоследствии неоднократно подчеркивал, что торможение перестройки заключалось именно в том, что кадровое обновление партии на практике обернулось простой «перетасовкой старой колоды».

Но главную роль в мобилизации политической активности этого большого университета сыграла сама бурлящая жизнь перестройки, которая наиболее ярко проявилась в событиях, связанных с деятельностью в Свердловске одного из первых порождений эпохи «гласности» — Свердловской городской дискуссионной трибуны. Именно с этим событием во многом связаны как жизнь самого университета, так и во многом судьба автора этих строк.

Городская дискуссионная трибуна стала одним из самых впечатляющих явлений в общественно-политической жизни Свердловска весны 1987-го — осени 1990-го г. Родившаяся в бурном потоке массового демократического движения «поздней перестройки» дискуссионная трибуна причудливо соединила в себе трепетное и зачастую неумелое стремление представителей вузовской и академической интеллигенции, в первую очередь ученых-обществоведов и социал-реформистски настроенной части партийного аппарата, направить процесс перестройки в русло демократизации КПСС и обновления социализма с непричесанной энергией «неформалов» — кухонных диссидентов и принципиальных противников, а зачастую и жертв режима, бунтующих «несоюзных» художников, поэтов и артистов, а также, что особенно важно, многочисленную армию «ящичных» и гражданских итээровцев, которые выступали не столько против самой системы, сколько против своей роли пожизненных аутсайдеров истеблишмента эпохи застоя.

Трибуна обязана своим появлением приезду в Свердловск в апреле 1987 г. группы активистов историко-патриотического общества «Память» во главе со своим руководителем — Д. Васильевым. В течение нескольких дней члены московской организации общества выступали на площадках Домов культуры и в студенческих аудиториях вузов Свердловска, в том числе и на матмехе УрГУ. Эта встреча произвела особенно яркое впечатление на автора этих строк: ее организовали преподаватели кафедры истории КПСС университета, и именно реакция преподавателей, а не студентов убедила меня в необходимости вступить в дискуссию с представителями «Памяти». То, как реагировали мои коллеги на рассказ «простого рабочего» Андреева о разрушении коммунистической властью православных храмов, исторических памятников, о неравноправном положении России в Советской Федерации, а русского населения — в составе многонационального государства, на его «открытие» заговора «сионских мудрецов», свидетельствовало не только о простой неготовности моих коллег грамотно объяснить элементарные исторические факты. Страшнее была эмбивалентность самого исторического сознания наших обществоведов — историков КПСС: их плакатный интернационализм грозил смениться элементарной ксенофобией, а коммунистический эгалитаризм — чувством национальной неравноправности, фантомными болями об утраченном имперском величии и державности. Не могу утверждать, что ощущение реальной опасности в тот момент приняло четкие и законченные формы. Но собственный жизненный опыт говорил о том, что на глазах рождается сила, отлитая в жесткие организационные формы и способная стать реальной альтернативой угасающей коммунистической идеологии. Ярким примером реальной трансформации бытового национализма в политический дискурс стали для меня процессы, с которыми автор этих строк столкнулся во время пребывания на годичной научной стажировке в 1983 г. в Югославии, в Белграде, где именно в те годы рождалась та сила, которая через несколько лет ввергнет Югославию в пропасть гражданской войны. Самое сильное впечатление оставила у меня презентация книги историка, генерал-полковника Велимира Терзича «Крах Королевства Югославия». Речь уважаемого первоборца, черногорца по национальности, внезапно

была прервана выкриками: «Долой, великосербский националист!», а собравшиеся в зале Студенческого культурного центра в центре Белграда представители югославской исторической элиты, седые и почтенные с виду профессора и академики, с остервенением вцепились друг в друга... Именно эта картина встала передо мной, когда я сидел в аудитории матмеха, слушал выступление «памятников» и вглядывался в реакцию своих коллег — историков КПСС.

Первой реакцией на вторжение националистов из «Памяти» на «девственную» площадку исторического сознания стало собрание в парткоме Уральского госуниверситета ведущих ученых-обществоведов, руководителей университета и ряда факультетов, а также нескольких ученых из свердловских вузов. В результате бурного обсуждения родилась идея организовать в городе открытый дискуссионный клуб для обсуждения актуальных общественно-политических проблем. Но когда встал вопрос о составе актива клуба, ведущие ученые (профессор А. Ф. Еремеев, декан философского факультета К. Н. Любутин) по понятным причинам отказались от руководства клубом, и выбор пал на представителей «молодых» активистов: председателем совета клуба был предложен Г. Э. Бурбулис, а его помощниками стали Л. А. Закс (в то время доцент кафедры этики и эстетики УрГУ) и Ю. С. Кирьяков (тогда декан исторического факультета УрГУ).

Первым боевым крещением будущих трибунистов стало посещение его членами публичной встречи активистов «Памяти» с жителями города в актовом зале СИНХа в середине апреля 1987 г., куда пришли преподаватели и студенты университета и других вузов. Здесь и проявилась свойственная Г. Бурбулису способность к решительному действию: он прервал изнурительный монолог «памятников» — через час первым неторопливо встал и решительно двинулся к трибуне, путь к которой ему попытались преградить неизвестные «парни в черном». Но рядом с Г. Бурбулисом встали студенты-историки из УрГУ. Монолог был сломан, началась дискуссия, в которую активно включился профессор Р. Г. Пихоя, который был не только реальным инициатором работы по спасению письменных памятников истории, но и заместителем председателя Свердловского отделения ВООПИК. Именно там, в СИНХе, определилась форма будущей трибуны — открытая дискуссия — и родился ее настоящий лидер, Г. Э. Бурбулис.

После первого раунда с активистами «Памяти» организаторы дискуссионного клуба обществоведов встретились с нашими бывшими коллегами по учебе или работе в университете из горкома и обкома КПСС, которые стали «крестными отцами» дискуссионной трибуны, нашими постоянными партнерами, а иногда и оппонентами.

О том, что в тот период партийный актив был способен держать руку на пульсе и действовать на опережение, свидетельствует следующий факт: параллельно с созданием дискуссионной трибуны весной 1987 г. при горисполкоме была сформирована Комиссия по передаче культовых зданий г. Свердловска Русской православной церкви, председателем которой стал автор этих строк, а в ее состав вошли представители Екатеринбургской епархии (отец Георгий), Областного краеведческого музея (директор музея Н. А. Узикова), ВООПИКа

(Г. С. Заикин, Л. Г. Михайлова), Государственной инспекции по охране памятников истории и культуры (Ю. П. Литвиненко), профессора Архитектурного института (В. М. Слукин, А. А. Стариков), а также представители УрГУ — Р. Г. Пихоя и А. М. Раскин. Постоянным участником яростных баталий на этой своеобразной мини-трибуне, где в жесточайшей схватке сталкивались представители епархии и работники музея, был Н. А. Воронин, будущий зампред Свердловского горисполкома. Результатом трехлетней работы комиссии стала Программа поэтапной передачи культовых зданий в г. Свердловске местной епархии РПЦ. Программа была утверждена на заседании Свердловского облисполкома и детально прописывала алгоритм вывода музейных фондов из помещений Вознесенской церкви и Александро-Невского собора (в Зеленой Роше) с параллельным размещением этих фондов в историческом квартале — на перекрестке Исетской набережной и пр. Ленина, где ныне находится резиденция губернатора, здание бывшего Облсовпрофа и Музей истории камнерезного и ювелирного искусства. Именно в Свердловске в 1990 г. культовое здание (Вознесенская церковь) было передано его историческому владельцу — Русской православной церкви. И в этом усматривается непосредственная связь с деятельностью Городской дискуссионной трибуны, участники которой были одновременно и членами Комиссии по передаче культовых зданий, а власть, «приведенная» на трибуну, постепенно привыкала отвечать на реальные запросы времени.

Первые пять заседаний трибуны (с 31 мая до декабря 1987 г.) проходили на площадке «культуры»: вокруг проблем защиты и воспроизводства материальной и духовной культуры, исторической памяти или беспамьятства. И эту «площадку» самоотверженно и трепетно готовили и оформляли историки и искусствоведы, художники и архитекторы, на ней смело «бились» сотрудники ГлавАПУ во главе с главным архитектором г. Свердловска Г. И. Белянкиным и работники Государственной инспекции по охране памятников истории и культуры под председательством Ю. П. Литвиненко. Настоящими героями первого года были руководители и активисты ВООПИКа Р. Пихоя (заместитель председателя), Л. Ф. Лешуков (первый зам. председателя), В. Теплов, М. Терновая и др. Однако внешне невидимым, но реальным «сердцем», мотором эпохи «памяти и культуры» была пассионарная и неутомимая Л. Г. Михайлова (ответственный секретарь ВООПИКа, тоже выпускник университета), которая привела на дискуссионную трибуну уже пригретых к началу 1987 г. под крылом этой организации более 40 объединений неформалов.

Именно тогда, на первом этапе, сложились и организационные формы трибуны: Совет трибуны, институт ведущих, экспертный совет, редакционная комиссия и социологическая служба; появились резолюции и запросы в органы партийной и государственной власти, сложился постоянный журналистский актив (М. Шакшина, Р. Исхаков, М. Любарский, Л. Минина, Т. А. Курашова и многие другие, тоже выпускники университета), создававший ей как положительный, так и отрицательный, но неповторимый имидж.

Необходимо напомнить, что на подмостках трибуны пробовали себя в непривычной роли публичных политиков и руководители крупнейших заводов

(В. Н. Семенов, Н. А. Семихатов), и боевой партийный резерв — вузовская и академическая профессура (А. Ф. Еремеев, В. Б. Исаков, Ю. И. Скуратов, Н. Н. Попов, Ю. Р. Вишневецкий, В. Ф. Чердынцев и др.), и зампреды и начальники управлений и отделов областных и городских исполкомов (С. Б. Воздвиженский, М. В. Сафронов, В. В. Нестеров, В. Н. Олюнин, В. Л. Назаров). Они обычно формировали ядро экспертного совета. А сам зал на треть заполнялся партийными работниками и мобилизованным ими для анализа «настроения» общества партийным активом!

Непосредственным результатом работы дискуссионной трибуны стало событие городского масштаба: в конце сентября 1987 г. группа активистов ВООПИКа, студентов и преподавателей гуманитарных факультетов УрГУ и «афганцев» встали на защиту памятника истории и культуры — дома Грум-Гржимайло в центре города (Красноармейская, 18) — и отстояли его от сноса, преградив дорогу бульдозерам. Ребята под руководством Л. Г. Михайловой и студента исторического факультета Вадима Белолугова держали оборону две недели, а ректор УрГУ П. Е. Суетин с сарказмом сообщал автору этих строк, что ему «еженощно» звонит первый секретарь Свердловского обкома КПСС Ю. В. Петров с требованием «убрать от усадьбы ваших хулиганов».

Эпоху «конструктивного» диалога с властями сломала не провидческая хитрость ее лидера, Г. Бурбулиса, и не запретительная тактика партаппарата: на подмостки трибуны в конце 1987 г. ворвалась сама жизнь, и Дискуссионная трибуна с готовностью и страстностью окунулась в митинговую стихию. Октябрьский пленум ЦК КПСС, на котором Б. Н. Ельцин подвергся коллективному партийному остракизму, буквально взорвал политическую обстановку в Свердловске, предприятия и учебные заведения хлопотали собраниями и митингами. Прискорбно было видеть тогда в аудиториях университета бывших соратников Б. Н. Ельцина по обкому партии, которые, умирая от стыда, пытались донести до студентов то, каким грубым, жестоким и «безыдейным» был в бытность секретарем их «первый».

Не случайно на историческом факультете группа студентов под руководством члена бюро ВЛКСМ Евгения Сусорова «захватила» радиорубку (факультет тогда был радиофицирован) и вышла в эфир с заявлением в защиту Б. Н. Ельцина.

В такой обстановке наши партнеры в горкоме партии категорически запретили проведение трибуны в начале ноября 1987 г., посвященной очередному юбилею Октябрьской революции, которая, естественно, неизбежно скатилась бы на ельцинскую тему. Открыли дискуссионную трибуну лишь в конце декабря 1987 г., вновь с политически нейтральной темой: «Исторический центр Свердловска: прошлое, настоящее, будущее». Однако реальным центром внимания трибуны стали бурные события декабря 1987 г., когда на улицы Свердловска вырвалась стихийная энергия социального протеста: центр города заполнился жителями, которые протестовали против острейшего дефицита продуктов и номенклатурных привилегий. Именно активисты митинга (В. Невьянцев и В. Петров, К. Пестов и Г. Карелин, А. Киселев и В. Суворов, О. Санжанов и др.) сделали Трибуну независимой от аппарата и заставили членов Сове-

та Трибуны, и в первую очередь самого Г. Бурбулиса, взять на себя роль организационного центра демократических сил, а затем заняться их «переплавкой» в организации и движения, нацеленные на выборы и завоевание власти!

Школа городской дискуссионной трибуны не прошла бесследно. Событием уже союзного масштаба стала первомайская демонстрация 1988 г. студентов УрГУ под «неформальными» лозунгами. Как известно, участие в праздничных демонстрациях было обязанностью членов трудового коллектива, а часть из них (по строгой разрядке и утвержденным спискам) удостоивалась чести нести аккуратно натянутые на подрамник лозунги, каллиграфически списанные с праздничных Призывов ЦК КПСС... В течение всего апреля 1988 г. комсомольский актив исторического факультета строгал древки, изобретал тексты и писал их на красных полотнищах (без подрамников). В ходе жестоких споров родились следующие лозунги: «Возродим ЦКК-РКИ!», «Долой карьеристов из партии и комсомола!», «Памятникам истории и культуры — государственную заботу!» и т. п. Изнурительный марш колонны университета 1 мая 1988 г. от гостиницы «Центральная» до Площади 1905 г. для автора эти строк прервался на «плотинке», когда ему, идущему в голове колонны истфака, сообщили, что милиция по ходу прохождения колонны выхватила из ее рядов шесть студентов с тремя лозунгами и увела их в помещение горно-металлургического техникума. Прорвавшись через оцепление и войдя в фойе техникума, я обнаружил в тесном окружении милицейского кордона своих студентов во главе с секретарем бюро ВЛКСМ исторического факультета Виталием Суминым и свернутые «криминальные» транспаранты. Бурный диалог закончился освобождением студентов, изъятием лозунгов и обещанием встретиться «наверху». Через несколько дней на бюро горкома КПСС состоялся «разбор полетов», куда был приглашен секретарь парткома УрГУ Георгий Александрович Дробышев. Бурный диалог секретаря ГК КПСС В. Д. Кадочникова с секретарем парткома УрГУ неожиданно прервал первый секретарь Октябрьского райкома КПСС М. П. Репенко, который, показав на развернутый транспарант со словами «Долой карьеристов из партии и комсомола!», наивно спросил «первого»: «А ты, Владимир Дмитриевич, имеешь что-то против?» Сконфуженный В. Д. Кадочников со словами «Хотя бы древки, как следует, построгали!» прекратил трепку университетского партийного начальства, а Г. А. Дробышев отделался замечанием. Власть местная на свой страх и риск не прерывала своего диалога с новыми «неформалами», она сама мучительно искала выход из тупика «перестройки». Не случайно в августе 1991 г., когда Москва настоятельно требовала от Свердловска повторить меры по вводу в город армейских подразделений, она получила решительный отказ.

С осени 1988 г. собрания городской дискуссионной трибуны были напрямую посвящены проблемам демократизации советского общества, стало очевидно, что наступил своеобразный «кризис жанра»: необходимо было преобразовать митинговую активность в организационные формы политического движения.

В этом, на наш взгляд, причина «начала конца» трибуны в ее первоизданном («трибунном») исполнении и как средства оперативного измерения «температуры общества» работниками партаппарата: рот ощерился в яростном оскале

политической схватки и выплюнул «термометр». Трибуне можно было умереть в объятиях власти, но она предпочла самоуничтожение, перерождаясь в избирательные и депутатские центры, Движение за демократические выборы и т. п., а ее лидеры либо «пошли» во власть, либо, исчерпав свою решительность и амбициозность, вернулись в свою социальную нишу. Но все эти 20 лет мы несли и несем на себе эти «родовые пятна» трибуны, поскольку сама она не была чьей-то выдумкой, а была востребована временем и стала частью нашей жизни. Участники этого политического театра (без иронии и уничижительности!) привнесли ту же ярость отрицания и непричесанность мыслей на трибуну первых демократических Советов, последующих Законодательных собраний и Дум, в трудный процесс партийного строительства 90-х. Однако сегодня вряд ли кто-то из активистов и молчаливых зрителей дискуссионной трибуны, в первую очередь моих коллег по Уральскому университету, с сожалением вспоминает о своих «бездарно» потраченных эмоциях и нервах или досадует о том, что поставил не на ту карту. Мы сами выбрали эту трибуну, а время, как известно, все расставляет по своим местам...

Ю. Е. Комлева

КРИЗИС СОВРЕМЕННОГО УНИВЕРСИТЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Ход истории наглядно демонстрирует примеры весомого участия университетского образования в процессах, определявших основные характеристики общества. Начиная с XVIII в. и вплоть до сегодняшнего дня университеты выполняли функцию регуляторов формирования и поддержания социальных структур. Помимо трансляции умений и навыков от поколения к поколению и развития научного знания, перед университетами всегда стояла задача производства интеллектуальной и профессиональной элит, без участия которых не может функционировать политика, национальная экономика и культура. Наконец, начиная с XVIII в. университеты в значительной степени способствовали размыванию социальных барьеров: получение университетского образования обычно выступало предпосылкой повышения социального статуса, перемещения по вертикали из одного социального слоя в другой, к чему и призывают документы Болонского процесса в наши дни.

Сегодня очень часто приходится слышать о кризисе университетов и университетского образования, относящемся не только к проблемам российского высшего образования, но имеющем мировой масштаб [см., например: Kehm, 44–63; Secchi, 8–10; Hidenori, 16–20; Smith, Korn, 129–145; Encel, 241–251]. Что касается кризиса российских университетов и российской науки, то его выражение имеет многочисленные аспекты, простое перечисление которых, а